

Министерство образования Российской Федерации
Поморский государственный университет
имени М.В. Ломоносова

Л.С. СКЕПНЕР

*СЛОВЕСНОЕ ИСКУССТВО
РУССКОГО СЕВЕРА
В ЛИТЕРАТУРНОМ ОБРАЗОВАНИИ
И РАЗВИТИИ ШКОЛЬНИКОВ*

КНИГА ДЛЯ УЧИТЕЛЯ

Монография

1345719

Архангельск

Поморский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
2002

«ЖИВ Я ТОЛЬКО СЕВЕРОМ» (С.Г. Писахов и его сказки в школьном изучении)

Степан Григорьевич Писахов — человек яркого, самобытного таланта. Писатель и художник-живописец, путешественник.

«Добрый архангельский колдун» (С. Маршак), «северный волшебник слова» (Ю. Казаков), «он был поистине поэтической душой Севера» (Вл. Лидин). Можно привести и еще множество восторженных высказываний известных знатоков и ценителей Слова о таланте Писахова. Вот хотя бы еще одно — Ф. Абрамова: «Степан Писахов, несомненно, принадлежит к самым замечательным и своеобразным сказочникам мира».

Родился он 13(25) октября 1879 г. в Архангельске, на Поморской (тогда — Буяновой) улице в семье «серебренника» — мастера-ювелира и чеканщика по серебру Григория Пейсахова. «Деды (по материнской линии. — Л. С.) с Пинеги, с Труфановой Горы. Род староверческий», — писал он московскому литератору А.С. Яковлеву.

С детства, как он сам потом рассказывал, Степан Григорьевич «тянулся к живописи, рисовал и лепил — страсть была». Мечтал стать художником. Но отец «более чем не сочувствовал — голодная профессия», — считал он. (Здесь и далее в кавычках выражения С.Г. Писахова, взятые из его писем к А.С. Яковлеву. — Л. С.) И предупреждал, что поддержки сыну на этом пути не будет.

Окончив Архангельское реальное училище, С. Писахов год работал на Соловках, потом поступил на лесопильный завод Я.Е. Макарова в Соломбале; работал рубщиком («рубить — отмерять количество грузимого леса», — пояснял он), уборщиком на лесобирже: чтобы поехать в Петербург учиться, нужны были деньги.

В декабре 1903 г. Писахов поступил вольнослушателем в Санкт-Петербургское училище технического рисования барона Штиглица. Вольнослушателям предоставлялось право посещать занятия только по специальным предметам или, сверх того, другие занятия — «все или некоторые, по соответственному выбору учащегося», — было записано в уставе училища. Писахов посещал занятия по акварели, рисунку, лепке, черчению и некоторым другим предметам. Баллы в его «Личной карточке учащегося» высокие.

Жил трудно, впроголодь. Из дома посыпали десять рублей в месяц. Надо было заплатить за угол, который снимал (сначала в коридоре, потом на кухне), купить краски, холсты, кисти. На питание оставалось, как позднее рассказывал Степан Григорьевич, по четыре копейки в день. Но он умел переносить материальные трудности не падая духом. Много читал. Тогда, вспоминал он позднее, на всю жизнь полюбил Достоевского (а с детства любимым его произведением стал и оставался всю жизнь «Дон Кихот» Сервантеса). Умудрялся сэкономить по копейкам на билеты в театр — Александринский, Мариинский — конечно, на галерку.

Расстрел мирной демонстрации у Зимнего дворца в Петербурге 9 января 1905 г. вызвал взрыв возмущения, забастовки протеста рабочих, студенческой и учащейся молодежи. 8 февраля к забастовке студентов и учащихся Петербурга присоединились и в училище Штиглица. Занятия были прерваны. В училище проходили бурные митинги, молодежь требовала изменить рутинную антидемократическую систему обучения. Через несколько дней все учащиеся были письменно предупреждены: тот, кто 3 марта не приступит к занятиям, будет отчислен из училища. Писахов и еще несколько учащихся с этого времени каждое утро являлись в училище, но к занятиям не приступали. И после вторичного предупреждения, что будет отчислен, если не приступит к занятиям, Писахов забрал из училища свои документы [11, 488; 12, 777—778].

Вскоре после этого он отправился на Новую Землю. Впоследствии Писахов много раз приезжал туда снова и снова. Очень подружился с новоземельскими ненцами-оленеводами.

А тогда, в 1905-м, после первой поездки на Новую Землю, он отправился на Ближний Восток. Добирался в переполненном душном трюме: путешествие в более комфортабельных условиях было не по карману.

Он не гнушался никакой работой, не боялся и оставаться без денег. «Он нанимался, например, как писец в монастырь или сидел

вовсе без денег в разных экзотических местах, или валялся на палубе с бродягами», — рассказывала писательница А.К. Покровская, которая познакомилась с Писаховым на пароходе, «когда он из Каира плыл на Новую Землю».

Побывал Писахов в Иерусалиме, Константинополе, Смирне, Бейруте, Яффе, Александрии, Порт-Саиде, Каире, в долине Нила... Потом — в Италии и Греции. «Рим дал знакомство с Микеланджело. Величайший художник. Чудятся в нем громадные, объявшие столетия мысли...», — говорил Писахов [8, 281].

В течение нескольких лет (точнее — зим) Писахов занимался в мастерской Я.С. Гольдблата в Петербурге, в 1910 г. некоторое время — в «Свободной академии» в Париже.

В 1910 г. в Архангельске была организована большая выставка «Русский Север». В ней приняли участие известные художники А. Борисов, Н. Пинегин, самобытный ненецкий художник Тыко Вылка. Писахов представил более двухсот своих работ. А в следующем году на выставке картин в Петербурге он был удостоен серебряной медали «за изображение в картинах Русского Севера».

Север Писахов знал и любил глубоко, сильно и нежно. Архангельскую губернию, Арктику он знал великолепно, обошел и объездил многие места. Пинежье, родина матери и дедов, было и для него родным. Он любил приезжать сюда. Берега и острова Белого, Баренцева и Карского морей — Мурман, Новая Земля, Вайгач, Колгуев, Кий-остров стали для него близкими, «своими», можно сказать — вторым домом. «Мама, если я бродил по губернии или болтался в океане, говорила: «Дома Степан». А если уезжал в Питер или за границу, считала, что «дома нет», — писал он А.С. Яковлеву. И продолжал: «Не могу жить долго без родного края. Тоска по родине является» [8, 281]. Из Каира он спешит «на Мурман к солнцу!», к светлым летним ночам. «Летние ночи, полные света без теней — это так громадно по красоте, что я готов найти многие частицы себя, которыми восхищаюсь югом, дабы не очень его обидеть. Но жив я только Севером» [7, 158].

Писахов был не просто путешественником-созерцателем, а участником освоения Арктики, установки первых радиостанций на побережье Карского моря, научно-исследовательских и поисково-спасательных экспедиций. И не случайно друзьями его стали не только собратья по перу и кисти — писатели и художники, но и полярники — «ледовый капитан» В.И. Воронин, ученый, основа-

тель первой заполярной сельскохозяйственной станции на Печоре А.В. Журавский, географ Д.Д. Руднев и многие другие.

Север, его природа — главная тема и, можно сказать, главный герой творчества Писахова-живописца. Он удивительно тонко чувствовал особенную — нежную красоту северной природы. Его восхищали и «гамма жемчужно-серебристых тонов, золото солнечной ночи», и «яркие и прозрачные и глубокие, радостные краски северной весны. Для меня тоненькая березка, сосна, искривленная бурями, ближе, дороже всех садов юга», — говорил он.

Рассказывая о маленьком Кий-острове в Белом море, который он так любил, Писахов вспоминал: «Здравствуй, — говорил я замлевшей на берегу сосенке, приходя рано утром, — здравствуй, родимая! Заждалась?» Она мне кланялась, и никто нам не мешал».

Однажды на Новой Земле он услышал песню, которую пел молодой ненец:

Вышел я ночью на гору,
Смотрю на солнце и на море.
А солнце смотрит на море и на меня.
И хорошо нам втроем:
Солнцу, морю и мне.

«Хорошо нам втроем: солнцу, морю и мне», — эти слова Писахов запомнил и любил повторять — наверное, потому, что в них была выражена та искренняя, глубокая радость общения с природой, которую остро ощущал и он сам и которая так чувствуется в его пейзажах.

Если творческое кредо Писахова-живописца было: «Только правда. Ничего добавлять не надо», то Писахов-сказочник — выдумщик, фантазер. «Выдумка и фантазия бурлят у него в каждой сказке, в каждой строке» (Ф. Абрамов) [1, 356].

Причем реальное, обычное, житейское и фантастическое в сказках Писахова живут вместе, они естественно переплетаются, переходя одно в другое. Место действия большей части писаховских сказок обозначено достаточно четко: это деревня Уйма недалеко от Архангельска, иногда — Архангельск. Художественное время — конец XIX — начало XX вв. — легко угадывается по целому ряду деталей: трамвай, телефон, кинематограф, урядник, «инстервенты» и т. д. Иногда есть и прямые указания на художественное время сказки: «перед самой японской войной...» («Девки в небе пляшут»);

«Было это в японску войну» («Мобилизация»); «Было это в девяносто...» («Железнодорожный первопуток») и т. д. Вместе с тем в этом реальном художественном пространстве и времени происходит столько невероятного, немыслимого, что возникают ассоциации со сказками-небылицами. Здесь мужики на треске гуляют, на корабле через Карпаты ездят, белые медведи молоком торгуют, «поросенок из пирога убежал», соборна колокольня за пожарну каланчу замуж выходит...

Сказки Писахова — явление в высшей степени оригинальное. Они созданы на стыке фольклорных и литературных традиций, лучшие — как их своеобразный синтез.

«Писахов, — справедливо заметил А.А. Горелов, — из той русской литературной плеяды, которая своевременно ощутила, что жизнь народной культуры находится в XX веке на переломе развития, что уже вершится бесповоротная смена исторических форм массового народного творчества и что вместе с урбанизацией эстетических ориентиров, вместе с исчезновением в сельской местности старинной народной обрядности начинает «сбывать» прежде полновесный классический фольклор. Пересыхает одно из русел преемственности национальной культуры. И плеяда — Писахов, Шергин, Бажов, Мисюров и другие родственные им писатели... дала совершенные образцы синтеза профессионального и стихийного словесного искусства» [4, 157—158].

О народной речи — «поморской говоре», северном фольклоре как истоках своего творчества не раз говорил сам Писахов. «С детства я был среди богатого северного словотворчества, не записывал, просто рос с этим словотворчеством», — писал он в предисловии к первой своей книге — «Сказки Писахова» (Архангельск, 1938). Он не раз с гордостью говорил и писал, что его дед Леонтий (брать бабушки Хионии Васильевны. — Л. С.) был сказочник.

«Язык моих сказок, — писал он, — язык людей, с коими жил, рос» [8, 328]. Он «мне более близок, нежели обычный литературный язык» [8, 260]. Писахов действительно не боится диалектизмов, просторечных слов, широко включая их в свои сказки: «Я приземлился да стрелил» («Министер на охоте»); «Самовар со стола скочил» («Самоварова семья»); «обрадели» (обрадовались); «одиново» (однажды), «буди», «охти-мнеченьки»; для его сказок характерно стяжение гласных в окончаниях глаголов («слушат», «гулям» и т. п.).

Рассказывая о своем знакомстве с уемским крестьянином Сеней Малиной (прозвище Семена Кривоногова), он пишет: «Чтя память безвестных северных сказителей — моих сородичей и земляков, — я свои сказки веду от имени Сени Малины» [8, 24].

Сказки Писахова во многом связаны с традицией скоморошьего искусства. Сказалось, по-видимому, «частое быванье» Степана Григорьевича на Пинежье, родине предков, где, по свидетельству собирателя фольклора А.Д. Григорьева, искусство скоморохов в свое время было широко распространено и популярно. «Писаховские сказки синтезируют многие темы, жанры и приемы из арсенала скоморошьего искусства, — отмечает С.М. Лойтер. — Иногда они включают в себя, в виде вставок, песни-скоморошины пародийного или остросоциального характера, раешник — «скомороший стих» [6, 106]. Приведем примеры раешника в сказках Писахова: «Обрезки да кокоры, никому не нужны которы», «Не сажено, не сеяно — зазеленело зелено» и др.

Интересны замечания С.М. Лойтер, связанные с образом попа Сиволдая: «...имя попа уже само по себе несет функцию разоблачительную... У Даля читаем: «Сиводер, сиволдай, сивопляс, сивуха <...> хлебное жидкое дурное пиво с пригарью; Сиволдай, сиводай <...> бранно: неуклюжий, грубый мужчина». «Сиволдай у Писахова образ гротесковый,.. Обнажение сущности, саморазоблачение лежат в основе самых разных ситуаций, связанных с Сиволдаем <...> Гротескный характер имеет уподобление Сиволдая вещи, предмету неодушевленному <...> На этом же сатирическом принципе «человек-вещь» основана скоморошина о том, как оглушенный выстрелом поп целый день плавает «поверху воды» [6, 106—107].

Сказки Писахова в своем абсолютном большинстве сатирические. И по объектам сатиры (это прежде всего социальная сатира, а также высмеивание общечеловеческих недостатков — жадности, лени и т. д.), и по поэтике и стилистике они во многом близки к русским бытовым (сатирическим) народным сказкам.

И здесь вряд ли можно согласиться с С.М. Лойтер, которая считает, что «сказки Писахова не связаны со сказочной традицией ни сюжетами, ни образами, ни мотивами, ни поэтикой» [6, 108]. Это замечание справедливо, если иметь в виду традицию волшебных сказок. Но русские бытовые (сатирические) сказки существенно отличаются от волшебных (как и от сказок о животных). «Если в волшебной сказке мы видели некоторую двуплановость, наличие двух миров, то здесь мир только один. Это наш мир, в котором

мы живем, — писал известный ученый-исследователь сказки В.Я. Пропп. — <...> бытовая сказка имеет самую тесную связь с действительностью. По волшебным сказкам судить о состоянии русской дореволюционной деревни невозможно. Бытовые сказки эту возможность дают. <...> Эти сказки могут служить средством изучения крестьянского мировоззрения и крестьянской философии. Как и волшебные, они насквозь оптимистичны. Герой всегда побеждает своих противников. Но характер борьбы здесь иной... В волшебной сказке... зло воплощено в образе фантастических существ: змея, Кащея, Яги и т. д. В бытовой же сказке носители зла — земные люди. Зло представлено не Кащеем, змеем или ведьмой, а теми антагонистами, которых крестьянин видит в своей жизни. Это чаще всего социальные враги крестьянина. В борьбе с ними всякие средства хороши... Герой <...> самый обыкновенный человек. Но в то же время он воплощение смелости, решительности, находчивости, неугасимой силы духа и воли к борьбе, иногда — необычайной хитрости. Поэтому он всегда побеждает. <...> В волшебных сказках герой приобретает какое-нибудь волшебное средство и при помощи его достигает своих целей. В так называемых реалистических (бытовых, сатирических. — Л. С.) сказках волшебного средства никогда нет... В них нет, например, волшебных коней, волшебных предметов, духов, являющихся из кольца; в них нет также заколдованных царств, брака людей с животными и вообще всего того, что составляет содержание волшебных сказок. И тем не менее сверхъестественное в этих сказках есть, но оно втянуто в орбиту обычной будничной жизни и всегда окрашено комически. <...> Повествование от первого лица в волшебной сказке невозможно. Здесь же этим приемом события как бы вводятся в сферу действительности. <...> Обстановка, фон в бытовой сказке бывают совершенно реалистичными. Реальный характер имеют и действующие лица. Но поступки этих лиц выходят за рамки того, что реально происходит в жизни. Бытовая сказка — это необыкновенные, неслыханные истории, истории о совершенно невозможном. <...>

Но, хотя в этих сказках всегда говорится о совершенно невероятных событиях, которые никогда не могли происходить в действительности, рассказывают они так, с такими интонациями и с использованием таких средств художественной изобразительности, насыщены такими бытовыми деталями, как будто все это происходило в действительности. Это несоответствие вызывает комиче-

С.Г. Писахов. 1930-е гг. *Фото К. Коробицына*

С.Г. Писахов. Берег Белого моря. 1950-е гг.
Государственное музейное объединение «Художественная
культура Русского Севера»

С.Г. Писахов. Туман надвигается. 1910-е гг.
Государственное музейное объединение «Художественная
культура Русского Севера»

ский эффект... Все бытовые сказки ярко юмористичны. <...> Бытова сказка чужда так называемой формульности волшебной сказки» [9, 245—250].

Мы позволили себе столь большую цитату, потому что сказанное В.Я. Проппом — пожалуй, самое авторитетное мнение современного ученого-«сказочника».

О том же, по существу, пишут и другие современные исследователи народных сказок (см., напр.: Н.М. Ведерникова [2]), Д.М. Молдавский («Русская сатирическая сказка». Л., 1979; «Русская народная сатира». Л., 1967).

Все признаки русской бытовой сказки, о которых говорил в приведенной выше выдержке В.Я. Пропп, и некоторые другие, о которых пишут исследователи русской бытовой сказки, характерны и для сказок Писахова. «Гротескное изображение барина и попа позволяет представить их действующими лицами таких ситуаций, которые невозможны в действительности. Так сказочная фантастика становится средством выявления сущности отрицательных персонажей», — пишет Н.М. Ведерникова [2, 100]. Вспомним сказку Писахова «Поп-инкубатор», и мы увидим, как и здесь «сказочная фантастика» становится средством выявления «сущности» Сиволдая.

«Писахов — гиперболичен», — совершенно справедливо заметил Ю. Казаков. Подтверждений справедливости этого замечания в сказках Писахова множество. «Морошка крупна, ягоды по три фунта и боле» («Не любо — не слушай»). «Река наша Двина в узком месте тридцать пять верст, а в широком — шире моря» (там же). «Мороз — градусов на двести» («Морожены волки») и т. д. «...Сатирическая фантастическая гипербола — главный прием в изображении» (Сиволдая. — Л. С.), — справедливо замечает С.М. Лойтер [6, 27]. Но ведь гипербола, по утверждению Н. М. Ведерниковой, — одно из основных средств раскрытия образов в народных бытовых сказках.

Таким образом, нам представляется очевидным, что сказки Писахова все же связаны со сказочной фольклорной традицией — традицией русской бытовой (сатирической) сказки.

Однако близость сказок Писахова к народному поэтическому творчеству отнюдь не исчерпывается теми или иными приемами, особенностями стилистики. Она гораздо глубже. Сказки Писахова — художественное выражение крестьянской мечты о жизни в достат-

ке, в согласии между людьми, в согласии с природой. Олицетворение этой мечты — прежде всего образ героя и рассказчика многих писаховских сказок уемского крестьянина помора Сени Малины. Малина умен, энергичен, смекалист, по-крестьянски ловок. Это «великий умелец. Все он умеет делать... И как делать, как работать? Весело, с азартом, «в десять рук», как говорит он сам, и — изобретательно, находчиво. <...> Для него, с его несравненной смекалкой и предприимчивостью, ничего невозможного нет» [1, 356]. Он может и на паровозе сквозь землю промчаться — «на ту сторону» и обратно тут же вернуться, и на тучу усесться и поехать, и месяц с неба достать, и Уйму над землей поднять и «на Уйме кругом света» прокатить всю деревню.

Малина — человек широкой, щедрой души. Грибы и ягоды он запасает на всю деревню; отправившись на бане в море, он «все суда полнеонько рыбой набил» и раздал ее соседям, с купцов «стянул» восемнадцать верст материю — на всю деревню, чтобы «в одночасье все мужики, старики и робята в новы брюки оделись». «Коли что людям на пользу — мне того не жалко».

Он крепко связан с землей, от земли черпает силы (см., например, сказку «Яблоней цвел»). Ш.З. Галимов справедливо заметил, что образ Сени Малины — «образ-символ народа» [3, 20].

В какой-то мере символичен и образ сказочной Уймы, олицетворяющей народную мечту о жизни в достатке, в согласии — друг с другом и с природой. Уемляне дружны (при всех перебранках, о которых Сеня Малина говорит с юмором), работают «артельно».

«...мы живем в саду, в ладу, у нас ни злости, ни сердитости. При нашем согласье печки сами топятся, обеды сами варятся, пироги, шаньги, хлебы сами пекутся» [8, 125].

Но сказки Писахова — это, как правило, не просто обработка или варианты фольклорных сказок. Это произведения оригинальные, авторские — сказки Писахова. Не случайно он хотел, чтобы сборник его сказок назывался именно так — «Сказки Писахова». (К сожалению, лишь в первом издании, 1938 года, это желание автора было выполнено.) И хотя в основе некоторых его сказок фольклорные сюжеты и он подчеркивает это подзаголовками, например: «Лень да отеть: Старинная пинежская сказка, коротенька» или «Как соль попала за границу (сказку эту я слышал от Варвары Ивановны Тестовой в деревне Верхне-Ладино)», — это все же скорее

исключение, чем правило. Как правило же, сюжеты писаховских сказок совершенно оригинальны. Писахов — великолепный мастер сюжета. И может быть, именно здесь, в сюжетосложении, его авторское «я» проявляется ярче всего. Но саму возможность создания сказочных сюжетов Писахов чаще всего черпал в народном северном словотворчестве, о чем сам он писал в авторском предисловии к сборнику своих сказок:

«С детства я был среди богатого северного словотворчества. В работе над сказками память восстанавливает отдельные фразы, поговорки, слова. Например:

— Какой ты горячий, тебя тронуть — руки обожжешь».

Вспомним сказку «Морожены волки». Сеня Малина, спасаясь от волков, в сильный мороз сутки провисел на дереве. «И вот, — рассказывает он, — зло меня взяло на волков, в горячность меня бросило. Я разгорячился! Да так разгорячился, что бок ожгло. Хватил рукой, а в кармане у меня бутылка с водой была, так вода от моей горячности вскипела». Так буквализация идиомы рождает сказку.

А потом из-за наглости исправника, приезжавшего в Уйму, Сеня Малина «еще пуще разгорячился. В избу вошел, а от меня пар валит. Жона и говорит:

— Лезь-ка, старик, в печку, давно не топлена.

Я в печку забрался и живо нагрел. Жона хлебы испекла, шанег напекла, обед сварила, чай заварила.

<...> Поволокла меня баба в баню. На полок сунула и давай водой поддавать.

От меня жар! От меня пар!»

Это уже следующая сказка — «Своим жаром баню грею».

Дальше — больше: «Моей горячностью старушонки нагрелись»; «Ледяна колокольня» выросла над Уймой оттого, что Сеню Малину жена в огород, в сугроб снежный сунула, чтобы он поостыл, а от него «пар идет и замерзат, и все выше да выше. И вызнялась надо мной выше дома, выше леса ледяна прозрачна светелка-теплица»... («Ледяна колокольня»).

Глубокий лиризм, которым проникнуты работы Писахова-художника кисти, явственно ощущается и в целом ряде его сказок.

«...а зимой другой раз в избе жарко, душно... Возьмем северно сияние, теплой водичкой смочим и зажжем. И светло так горит, и воздух очищает, и пахнет хорошо.

Девки у нас модницы, выдумщицы, северно сияние в косах носят — как месяц светит! Да еще из сияния звезд наплетут, на лоб налепят. Страсть сколь красиво! Просто андели!

Про наших девок в песнях пели:

У зари, у зореньки
Много ясных звезд,
А в деревне Уйме им и счету нет!

Девки по деревне пойдут — вся деревня вызвездит».

(«Северно сияние»)

И еще пример:

«— Ты спрашиваешь, люблю ли я песни?

— Песни? Без песни, коли хошь знать, внутрях у нас потемки. Песней мы свое нутро проветриваем, песней мы себя, как ланпой, освещаем.

Смолоду я был песенным мастером, стихи плел. Девки в песенны плетенки всяку ягоду собирали».

(«Своя радуга»)

Такого лирического апофеоза, пожалуй, не встретишь не только в народной сатирической прозе (и драме), но и во всем эпическом фольклоре.

Знакомство с Писаховым и его сказками возможно и целесообразно уже в начальной школе. Ученики 2-го класса охотно слушают, читают, пересказывают, иллюстрируют и инсценируют некоторые из писаховских сказок («Сахарна редька», «Не любо — не слушай», «Как поп работницу нанимал» и др.). Учитель 13-й северодвинской средней школы М.В. Попырина после урока по сказкам Писахова предлагает ученикам 3-го класса сочинить свои сказки (в стиле писаховских). Ученики Н.В. Сауковой (Верховская основная школа Плесецкого района) под руководством учителя охотно ставят кукольные спектакли по сказкам Писахова. Кукол и их одежду делают сами.

В 5-м классе после изучения народных сказок организуем более широкое изучение сказок Писахова. Уроки о них, проведенные после изучения народных сказок, дают возможность не только ознакомить учащихся с творчеством одного из самобытных северных писателей, но и наглядно показать живую связь литературы и фольклора, помогают ученикам увидеть, а в дальнейшем и осознать плодотворность этой связи.

Писахову и его сказкам мы посвящаем два, а иногда, по желанию учеников, и три урока. На первом из них — «Без Вас не мыслю Севера» (Л. Леонов), выяснив, что знают пятиклассники о Писахове (чаще всего эти сведения у учащихся очень скучны), обобщая и дополняя их ответы, кратко рассказываем о некоторых интересных эпизодах его биографии, которые помогают раскрыть черты его личности: о его мечте стать художником и о том, как он шел к осуществлению этой мечты, о его путешествиях по странам Ближнего Востока и по Северу, Арктике. Наша задача здесь — не только заинтересовать учеников, но хотя бы отдельными штрихами показать многогранность таланта Писахова — художника кисти, сказочника, путешественника, «оберегателя» Севера, его культуры. Весьма желательно познакомить учащихся хотя бы с отдельными образцами живописи Писахова.

В слово учителя включаются небольшие фрагменты из авторского предисловия к сборнику сказок Писахова, которые помогают понять значение северной народной речи для его сказочного творчества [8, 23].

Демонстрацию фотографий Писахова дополняем его словесными портретами: «Низенький, весь заросший густым волосом человек... с густейшими рыжеватыми, торчащими пучком бровями. Глаза у него были зоркие и приглядчивые» (Вл. Лидин). Или: «Этот бородатый дед походил и на сказочного волшебника, и на моржа: толстые крученые «черноморовы» усы, маленькие добрые глазки» (В. Личутин). Читаем небольшой отрывок из очерка Ю. Казакова «Северный волшебник слова»: «В Архангельске я пошел к Степану Григорьевичу Писахову. Дом его мне показали — все знают. Вышел — маленький, с желтыми усами книзу, страшными бровями, с длинными густыми волосами — помор, поэт и художник. Вышел человек редкого дара — дара, почти исчезнувшего у нас: человек, сумевший почувствовать тончайшие переливы народного сказа, народного склада речи.

Он ввел меня к себе, сразу заговорил, засмеялся, стал необычайно привлекательным. И подарил мне свежую книжку своих сказок, написав на ней: «С приветом не от того Севера, которым пугают людей юга: моржи, медведи, льды, дикие люди, наполняющие город Архангельск... — от Севера, красой своих просторов венчавшего земной шар!».

Предлагаем ученикам, читая и слушая на уроке сказки Писахова, убедиться в справедливости слов Казакова о Писахове, раскрыть их смысл.

Домашним заданием к уроку было: прочитать несколько сказок Писахова из числа рекомендуемых учителем (это могут быть: «Не любо — не слушай», «Северно сияние», «Сахарна редька», «Как поп работнику нанимал», «Как купчиха постничала», «Лень да Отеть», «Налим Малиныч» и др.) и подготовить выразительное чтение или близкий к тексту пересказ с включением фрагментов текста одной из них. Вторая часть задания — для желающих — подготовка рисунков-иллюстраций (реальных или словесных) к одной из сказок. В классе может быть организована выставка иллюстраций учащихся к сказкам Писахова.

Следующий этап урока — выразительное чтение сказок и близкий к тексту пересказ с включением фрагментов текста. Выразительное чтение (в том числе и выразительное чтение учителя) здесь необходимо потому, что колорит северной крестьянской речи, некоторые ее диалектные особенности, которые Писахов стремится сохранить в своих сказках, выявляются лишь в звучащем слове. Выразительное чтение учителем, владеющим «северной говорей», одной сказки особенно важно в том случае, если диалект незнаком учащимся.

Представляя выбранную сказку, ученики мотивируют свой выбор и таким образом учатся самостоятельно оценивать прочитанные произведения.

В ходе урока, по мере представления сказок, ученики предлагают словесные рисунки-иллюстрации к ним, оцениваются и обсуждаются также и реальные рисунки.

Беседа-анализ сказок Писахова составляет основное содержание второго урока. Начать ее можно с вопроса: какие произведения вы вспоминаете, читая сказки Писахова? Пятиклассники называют прежде всего русские народные сказки (очень редко — «Приключения барона Мюнхгаузена» Р. Распе). Предлагаем высказать свое мнение о том, к какой группе народных сказок ближе сказки Писахова.

Отмечая, что сказки Писахова напоминают и волшебные («в них происходят чудеса»), и сказки о животных («в них герои не только люди, но и животные, звери — собака Розка, медведь, поросенок и рыбы даже»), дети говорят, что особенно они близки к сатирическим сказкам «Про мужика и барина», «Про попа» и т. д.

Выясняем, над чем и над кем смеются сказки Писахова. На этот вопрос дети отвечают: над жадностью, обжорством, ленью и

т. д.; они высмеивают интервентов, которые хотели завоевать нашу страну, чиновников, которые обманывали и обворовывали крестьян, и т. п.

Выясняем, как происходит это осмеяние («почему мы смеемся над Сиволдаем?», «как Писахов высмеивает модницу в одноименной сказке?» и т. д.).

Выясняем далее, каков герой писаховских сказок, напоминает ли он кого-либо из уже известных героев. «Он добрый, — говорят ребята, — ничего не жалеет для людей». Сеня Малина, считают пятиклассники, напоминает крестьянина из народных сказок, еще — Иванушку-дурачка: он тоже, как и Иван, на самом деле совсем не дурак, он умный, ловкий, он всегда оставляет в дураках тех, кто хочет его обмануть (приводят примеры). Выясняем, как это ему удается, кто и что помогает ему в этом. Животные, звери, с которыми он дружит, считают ученики.

— Только благодаря помощи животных Сеня Малина выходит из самых, казалось бы, безвыходных положений, совершает чудеса и побеждает своих врагов? Может быть, ему помогают волшебные предметы, такие, например, как ковер-самолет, и другие?

Выясняется, что волшебных предметов в сказках Писахова нет, что Сеня Малина очень ловкий, сообразительный, и в его руках обыкновенные предметы становятся как бы волшебными, а чудеса совершаются благодаря смекалке героя, знанию природы, умению жить в дружбе и согласии с нею.

Заметить отличие сказок Писахова от фольклорных для пятиклассников оказывается труднее, чем их близость. Не стремясь к полному раскрытию этого вопроса в 5-м классе, обращаем внимание на оригинальность сюжетов писаховских сказок, в которых так ярко проявилась его творческая фантазия. Обращаем внимание и на лирическую струю в его сказках, помогаем увидеть, как открыто выражаются чувства автора, его восхищение Севером, северной природой, земляками-поморами, северной народной речью, песней.

Беседу-анализ мы старались вести, активизируя образное мышление пятиклассников, опираясь на конкретные примеры из сказок, которые вспоминают дети, их иллюстрации к сказкам, используя устное словесное рисование.

Один из интересных моментов урока — работа над школьным киносценарием фильма по сказкам Писахова. Особенности поэтики и стилистики писаховских сказок, в частности гиперболы, «ча-

сто весьма неожиданные» (Ш.З. Галимов), юмор — все это подсказывает мысль о создании мультипликационных — рисованных фильмов по мотивам сказок Писахова. Не случайно на обсуждении их в Союзе писателей еще в 1940 г. Анна Караваева говорила: «Писаховские сказки — простор для мультипликаторов. Было бы очень хорошо, если бы Сеня Малина пошел в кино». Теперь эта идея осуществлена — создано несколько мультфильмов на основе сказок Писахова («Не любо — не слушай» и др.). Не менее увлекательной, чем просмотр этих «мультиков», оказывается для пятиклассников работа над созданием собственных рисованных фильмов по собственному сценарию, развивающая их воображение и творческие способности.

Составление сценария «мультипликационного» — рисованного фильма в условиях школы имеет то преимущество, что такой дипазонитивный фильм или хотя бы часть его сами школьники могут создать, а потом демонстрировать. Под руководством и с помощью учителя они создают кадроплан, рисуют словесно один за другим кадры будущего фильма и придумывают подписи к ним. Составляя кадроплан и обсуждая, как лучше нарисовать отдельные кадры, учащиеся не только прослеживают сюжетную линию сказки, но учатся читая, видеть, воссоздавать в своем воображении образы, созданные художником слова. Работа над киносценарием помогает им понять взаимоотношения и характеры героев, почувствовать авторское отношение к изображаемому. Вместе с тем в кадрах, которые школьники рисуют словесно, а потом карандашом или кистью, проявляется и их собственное отношение к персонажам сказки.

Уроки по сказкам Писахова становятся стимулом для самостоятельной творческой деятельности учащихся.

Когда сценарий составлен, учащиеся, разбившись на группы — «творческие объединения», рисуют кадры, подбирая к ним подписи из текста сказки. Смонтированные кадры составляют фильм, который демонстрируется через эпидиаскоп. Интересным для ребят и педагогически эффективным моментом является озвучивание фильма. В озвученном варианте фильма титры заменяются выразительным чтением учащимися авторского текста и реплик персонажей (чтение «по ролям»). Эта звуковая часть фильма записывается на магнитофон, и запись включается синхронно с демонстрацией кадров через эпидиаскоп.

Школьники с удовольствием составляют викторины, кроссворды по сказкам Писахова, сочиняют сказки в стиле Писахова. Сказки, сочиненные учащимися, как и их рисунки-иллюстрации, свидетельствуют, что в процессе такого рода творческой деятельности они замечают и воспроизводят некоторые особенности поэтики и стилистики Писахова, которых на вербальном уровне не воспринимают. Приведем один пример — сказку Ларисы Н. «Алмазная морошка»:

«Историю эту сказывала мне бабушка моя. В бывалошно время жила в деревеньке глухой жонка Анфиса. Летом любила по грибы-ягоды ходить. Много тропок протоптала. Вот раз урожайный дождик пробежал, вылил, что положено, на лес да огород и дальше поспешил. А Анфиса обрядилась — и на болото за морошкой. Морошка — ягода вкусняшша, за границей её уважают — кто понимат.

Пришла Анфиса на болото, смотрит под ноги — ни одной ягодки, обидно стало, разогнула спину, глянула — висит ягода морошка супротив Анфиских глаз величиной с яблоко. Она морошку хватать — и в ведро. С кочки на кочку — десяток сорвала — уже и полнёхонько ведро-то. С трудом из болота выбралась да домой пошла. Идет и дивится: что енто тако? Видать, ракеты по пути в космос обронили чего-нибудь да топливом землю удобряли. Вот ягоды и выросли. Ну, да ладно, уж на базаре хорошие деньги можно выручить. Пришла домой, устала, не утерпела и одну ягоду надкусила, а косточку на блюдце выплюнула — уж очень жесткая. Звякнула косточка и заблестела так, что в глазах заломило. Оказалось, что морошка вся алмазами утыкана. Вскоре понаехали туда чиновников важных видимо-невидимо и геологов с песнями. Всё болото перерыли. Морошки нынче там нет, всё больше алмазы попадаются. А старики в той северной деревне всё ждут, сокрушаются. Кабы не Анфиса, до сих пор собирали бы морошку, а от алмазов им никакого прибытка нету».

В своей сказке ученица не только воспроизводит диалектные особенности северной речи, как это свойственно Писахову, она почувствовала и гиперболизм сказок Писахова, и их ироничность, и, более того — острую социальную сатиру.

В 7-м (8-м) классе на факультативных занятиях возвращаемся к Писахову. Ученики знакомятся с его очерками, более глубоко, чем это возможно в 5-м классе, рассматриваем вопрос о художественном своеобразии творчества Писахова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Абрамов Ф.А.* Были и небыли Степана Писахова // Абрамов Ф.А. Собр. соч. в 6-ти т. Т. 5. СПб., 1993. С. 354—358.
2. *Веденникова Н.М.* Русская народная сказка. М., 1975.
3. *Галимов Ш.З.* Волшебник слова // Галимов Ш.З. Уроки человечности. Архангельск, 1984. С. 9—25.
4. *Горелов А.А.* Череда чудес // Горелов А.А. Соединяя времена. М., 1978. С. 137—160.
5. *Казаков Ю.П.* Северный волшебник слова // Казаков Ю.П. Две ночи. М., 1986. С. 243—246.
6. *Лойтер С.М.* Животворное слово // Север. 1986. № 3. С. 105—109.
7. *Малиновский В.В.* «Жив я только Севером»: К столетию со дня рождения Степана Григорьевича Писахова // Наш современник. 1979. № 11. С. 154—165.
8. *Писахов С.Г.* Сказки. Очерки. Письма / Сост. И.Б. Пономарева. Архангельск, 1985.
9. *Пропп В.Я.* Русская сказка. Л., 1984.
10. *Сахарный Н.Л.* Степан Григорьевич Писахов: Биографический очерк. Архангельск, 1959.
11. РГИА. Ф. 790. Оп. 1. Д. 128.
12. РГИА. Ф. 790. Оп. 1. Д. 372.